

*И значит, всё-таки
Жила я не напрасно —
Здесь, на земле, —
Стараясь в звёзды превратить
Стихи.*

И.В. Одоевцева

С писательницей Ириной Владимировной Одоевцевой (1895, Рига — 1990, Ленинград) молодой французский славист Ренэ Герра познакомился на Пасху в квартире Бориса Зайцева в 1967 году. Она пришла поздравить восьмидесятишестилетнего хозяина вместе с Георгием Адамовичем, первым критиком русской эмиграции, писавшим о стихах Одоевцевой «*как сплошь состоящих из скачков, догадок, намёков, неожиданностей*», называвшим поэта «*мастером произвольности и приблизительности*».

Двадцатилетний Ренэ в то время учился в Сорбонне. Ирина Владимировна пригласила его к себе в Ганьи, где она жила в Русском старческом доме. Жила весело, много писала.

Её соседями были Юрий Терапиано и донской казачий поэт Николай Евсеев, посвятивший Ирине Владимировне стихи:

*Ты была всегда лишь тайной,
Музыкой поющих слов
В мире хрупком и случайном,
В мире лучшем из миров.*

Терапиано убедил её написать мемуары — «На берегах Невы» и «На берегах Сены».

Поэт и прозаик Ирина Одоевцева (настоящие имя и фамилия — Ираида Густавовна Гейнике, псевдоним придуман по свидетельству Всеволода Рождественского Гумилёвым в Петрограде

Юрий Анненков, Ренэ Герра, Ирина Одоевцева,
г. Медон, 1974 г.

в 1922 году перед выходом первой книги «Двор чудес», название которой тоже предложено Николаем Степановичем) родилась и выросла в довоенной Риге. Её отец был известным рижским адвокатом. Переехав в Петербург, Одоевцева вскоре стала самой молодой ученицей Гумилёва, входила во второй Цех поэтов.

30 апреля 1920 года юная поэтесса по просьбе молодого, но уже весьма авторитетного в литературных кругах критика Корнея Чуковского вписывает свою «Балладу о толчёном стекле» в «Чукоккалу», оценивая это предложение как серьёзную творческую победу, ибо «Чукоккала» — *святая святых, тетрадь в чёрном кожаном переплёте. Только знаменитости удостоиваются чести писать в ней*».

Спустя полвека — в 1971 году — именно Одоевцева предложит молодому другу — Ренэ Герра — создать для своих знаменитых друзей подобный альбом и даже сама придумает для него название — «Герркоккала», а спустя несколько лет так прокомментирует уже вполне реализованный замысел:

*Нет, не Чукоккала
Это — Герркоккала
Не в Петербурге, а в русском Париже
Но рисовать и писать
В ней не меньшая честь
Чем в Чукокале было когда то (Орфография
автора — Л.З.).*

Ирина Одоевцева
и Георгий Иванов

Ирина Одоевцева
и Яков Горбов

С её лёгкой руки уже в течение сорока лет Герра продолжает культивировать «Герркоккалу». В составляющих её альбомных частях можно сегодня найти автографы, поэтические импровизации и рисунки художников и учёных, писателей и коллекционеров не только из Франции и России, но и из США и многих других стран.

В 1921 году Одоевцева вышла замуж за поэта Георгия Иванова, с которым прожила тридцать семь лет.

Через двадцать лет после его смерти стала женой писателя Якова Горбова. В опубликованную Герра в 1975 году под грифом издательства «Рифма» книгу Ирины Владимировны «Златая цепь» вошло стихотворение, посвящённое Я. Н. Горбову и отражающее душевное состояние поэтессы того времени:

*Снег — серебряный порошок —
Щедры сътят добрые тучи,
До чего же мне хорошо
Никогда не бывало лучше!..*

*Твёрдо помню — теперь девятьсот
Семьдесят пятый год —
Год всемирного заката,—
До которого я когда-то
И не думала, что доживу,*

Только это совсем негоже.
Чепуха. Ни на что не похоже,
Но со мной — не во сне — наяву
Очень странное что-то творится
Будто время идёт для меня
Час от часу, день ото дня
Не вперёд, а назад
Будто я становлюсь моложе,
А не старше, чем прежде была.

Я смотрю из окна на сад —
Всё в саду на праздничный лад
По-весеннему веселится.
Вот слетев на обрубок ствола
Вдруг запела Синяя Птица
Круглоглазая как сова —
Птица счастья из сказочной зоны:

«Жизнь прошла. Безвозвратно прошла.
Жизнь прошла, а молодость длится».
И в ответ ей мой кот учёный,
Мудрый кот лукоморный мой,
Замурлыкал: — Постой, постой.
Дай подумать... Эти слова
Ты когда-то давно написала,
Но теперь лишь мне ясно стало
До чего ты была права.

Ренэ был посаженным отцом на их свадьбе, так как будущие супруги участвовали в организованных в его доме Медонских вечерах.

Записные книжки прозаика Горбова и часть его архива сегодня находятся в собрании Герра.

Шестьдесят пять лет — с 1922-го по 1987 год — провела Одоевцева в эмиграции.

Герра выпустил два последних сборника её стихов — в 1975 и 1976 годах. В его библиотеке — полка книг с её автографами, сделанными в разное время и по разным поводам.

Приведём один из них: «Борису Константиновичу Зайцеву писателю, которому я так многим обязана. Ирина Одоевцева. Париж май 1951 г.» — на книге стихов Ирины Владимировны «Контрапункт» (Париж: Рифма, 1951).

В 1977 году в гостях у Одоевцевой вместе с Герра побывали поэтесса Белла Ахмадулина и её муж художник Борис Мессерер. Во время этой встречи произошёл забавный случай. Мессерер вспоминал это так:

«Ренэ организовал нашу встречу с Ириной Одоевцевой. Правда, эта встреча, несмотря на то, что Ирина подарила Белле несколько своих книг с тёплыми надписями, закончилась неудачно — Одоевцева, грассируя, спросила Беллу:

– А правда, что в Госсии говорят: “Магина, Игина и Анна”?

Тут Белла не выдержала, и мне пришлось спасти “Игину” Одоевцеву от её гнева».

В 1987 году писательница вернулась в СССР, жила в Ленинграде, гостила в подмосковном Доме творчества «Переделкино».

Одоевцева — автор семи сборников стихов: «Двор чудес» (Пг., 1922), «Контрапункт» («Рифма», Париж, 1950), «Стихи, написанные во время болезни» (Париж, 1952), «Десять лет» («Рифма», Париж, 1961), «Одиночество» (Вашингтон, 1965), «Златая цепь» («Рифма», Париж, 1975), «Портрет в рифмованной раме» (Париж, 1976), четырёх романов: «Ангел смерти» (Париж, 1927), «Изольда» (Париж, 1929), «Зеркало» (Париж, 1939), «Оставь надежду навсегда» (Нью-Йорк, 1954 — переведён на английский, испанский и французский языки) и воспоминаний: «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967), «На берегах Сены» (Париж, 1983).

Сергей Голлербах вспоминает: «...мой друг Ренэ Герра попросил меня сделать обложку для книги Одоевцевой “На берегах Сены”. Я сделал по памяти набросок пером набережной и моста через реку. Рисунок был одобрен, и книга вышла из печати в издательстве “Альбатрос”, основанном Герра. Ирина Владимировна любезно написала экземпляр, и его переслали мне в Нью-Йорк».

Одоевцева считала составление сборников важнейшим делом. По её мнению «книга в идеале должна быть настолько цельной, чтобы производить впечатление одного стихотворения». Роман Гуль рассказывал, что Ирина Владимировна не позволила вашингтонскому издательству «Русский путь» распространять её сборник «Одиночество» из-за того, что издатели нарушили сделанный ею порядок расположения стихов.

Прозаик Николай Чуковский описал внешность молодой поэтессы, прибегая к модному в то время «зооморфному коду»: «...гибкая, тонкая, с узким лицом, с узкими длинными пальцами, с пышнейшей короной тёмно-рыжих волос цвета старой бронзы, с зеленовато-голубыми глазами, с очень тонкой кожей той особой

белизны, которая бывает только у рыжих. В одной из своих ранних баллад она говорит о себе как о перевоплощении кошки. Гумилёв в посвящённом ей стихотворении “Лес” назвал её “женщиной с кошачьей головой”».

В стихотворении «Одоевцева» Игорь Северянин по-своему развивал это сравнение:

Прелестна дружба с жуткими котами,—

Что изредка к лицу неглупой даме...

Писательница печаталась во всех крупных журналах Русского Зарубежья («Звено», «Современные записки», «Числа», «Круг», «Возрождение», «Мосты», «Современник», «Новый журнал»).

В предисловии к переизданию избранной прозы Ирины Владимировны «Зеркало», предпринятом в 2011 году московским издательством «Русский путь», литературовед Мария Рубинс так оценила тексты писательницы: «Прозу Одоевцевой по праву можно определить как прозу поэта — так богата она скрытым ритмом, стихотворными цитатами, поэтическими образами, отсылками к культурным реалиям Серебряного века».

В парижском «Русском Альманахе» в 1981 году Герра на страницах 85–87 опубликовал два стихотворения И. В. Одоевцевой (1923 и 1980 годов) из своего архива.

В первом из них — десятистрочном — заметно влияние Гумилёва и, скорее всего, отражена история его драматических отношений с Ахматовой, известная Одоевцевой по рассказам самого поэта. Приведём его полностью:

Он встал и сказал жене:

– Ах, будьте добры, убирайтесь прочь!

Мне тошно от глупых ссор.

Слезами и криками здесь не помочь –

Всё рухнуло с давних пор.

Сегодня такая скверная ночь

И ворон сидит на окне

Он очень мрачен и очень сердит,

Как ворон Эдгара По

И каркает: Never More.

А рядом ворон второй сидит

И каркает: Глад и мор.

До последних дней жизни Одоевцева чувствовала себя профессиональным литератором, для которого важнее всего публикации и признание. На вопрос Ренэ, заданный в 1987 году перед

самым её отъездом в СССР: «Зачем вы покидаете Францию?» — писательница ответила, по его свидетельству, с обезоруживающей искренностью: «Очень хочется славки».

Несмотря на то, что о стихах Одоевцевой писали многие знаменитые писатели — Гумилёв, Адамович, Айхенвальд, Зайцев, Вейдле, Газданов, Пильский, А. Седых, Берберова, Алданов, Набоков, Бахрах, Гуль, Г. Струве, Зноско-Боровский, Горбов, Завалишин, Рубисова, Юрасов, Померанцев, Яновский,— поэтесса в течение всей жизни сетовала на недостаток признания. «Я перестала мечтать о славе...» — такое признание встречаем уже на первых страницах её мемуаров «На берегах Невы».

В 1918 году Одоевцева давала себе следующую характеристику:

*Нет, я не буду знаменита
Меня не увенчает слава,
Я — как на сан архимандрита —
На это не имею права.*

*Ни Гумилёв, ни злая пресса
Не назовут меня талантом.
Я маленькая поэтесса
С огромным бантом.*

Приведу ещё несколько выдержек из её стихов разных лет по этому поводу. В 1950 году Одоевцева не теряла надежду на будущую известность:

*Может быть, я, как и все,
Просто белка в колесе?
И тогда мечтать не вправе
Я о баснословной славе?
Слава всё равно придёт,
Не сейчас, так через год.*

В 1975 году в книге «Златая цепь» автор с упоением вспоминает свою кратковременную известность в литературных кругах послереволюционного Петрограда:

*Да, бесспорно, жизни начало
Много счастья мне обещало
В Петербурге над синей Невой —
То, о чём я с детства мечтала
Подарила судьба мне тогда,
Подарила щедро, сполна,
Не скупясь, не торгуясь: — На!*

Ирина Одоевцева в СССР в последние годы жизни

*Ты на это имеешь право.
 Всё мне было удача, забава
 И звездой путеводной — судьба,
 Мимолётно коснулась слава
 Моего полудетского лба...*

В книге «Портрет в рифмованной раме», изданной год спустя, царит совсем иное настроение — надежды автора на будущие литературные победы пока не оправдались:

*Я не воздвигла памятник себе,
 И даже эмигрантской, нищей славой
 Увенчана я не была...*

Перед возвращением в советскую страну Одоевцева передала Ренэ библиотеку и рукописи книг «На берегах Сены» и «На берегах Невы». Накануне отъезда в СССР она на глазах сотрудников советского посольства демонстративно вручила французскому слависту последнюю пачку писем из своего архива (в том числе письма секретаря Бунина — Андрея Седых).

Приехав в СССР, Одоевцева нередко предпочитала жить не в любимом Ленинграде, а в Доме творчества «Переделкино» под Москвой, где, хотя она и жаловалась в беседе с автором этого текста на невкусную еду («Почему, чтобы попробовать настоящую русскую кухню, нужно непременно ехать во Францию?»), её постоянно окружали литературные дамы, поклонницы её творчества.

Несмотря на инвалидное кресло и неважное состояние здоровья, писательнице еженедельно устраивали в библиотеке творческие встречи.

По вечерам (любители Серебряного века специально приезжали из Москвы на эти встречи)

в присутствии тщательно причёсанной и изысканно одетой Одоевцевой, сидящей в розовой кружевной кофточке в инвалидном кресле, вслух читались её мемуары, и слушатели могли задать вопросы автору. Вскоре книги воспоминаний писательницы «На берегах Невы», «На берегах Сены» были изданы в СССР тиражами двести пятьдесят и пятьсот тысяч экземпляров.

В 1995 году в московском издательстве «Наследие» вышла небольшая монография поэтессы-эмигрантки Э.И. Бобровой «Ирина Одоевцева. Поэт, прозаик, мемуарист. Литературный портрет».

Книги И. Одоевцевой, изданные в СССР после её возвращения

На обложке книги воспроизведён силуэтный портрет молодой Одоевцевой с кокетливо-дружеской дарственной надписью: «Вот такая, Ренэ Герра, я была в Петербурге шестьдесят лет тому назад. Ирина Одоевцева. 1981 г. Париж».

Москва